

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

С Е Р И Я

НОВОЕ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

**КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА**

Санкт-Петербург
2022

4.2. О ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ

Дмитрий Сергеевич Лихачев — Почетный член Российской Академии образования. В самом этом факте уже отражено **признание особого значения трудов ученого для отечественной педагогики.**

Но в чем конкретно заключается вклад Д. С. Лихачева в образование? Удивительно, но при всей простоте вопроса ответить на него не легко. В современных справочниках можно прочесть о том, что Дмитрий Сергеевич — филолог и историк культуры, общественный деятель, что он **создал «концепцию, в русле которой рассматривал проблемы гуманизации жизни людей и соответствующей переориентации воспитательных идеалов, а также всей системы образования как определяющей общественное развитие на современном этапе»**¹. Там же говорится о его трактовке культуры не только как суммы нравственных ориентиров, знаний и профессиональных умений, но и как своего рода «исторической памяти». Мы знаем, что с культурой Лихачев тесно связывал понятие интеллигенции, видя в лучших ее представителях **идеал воспитания.** Нравственным проблемам академик посвятил ряд специальных книг и статей².

Все это верно, но с позиций современной педагогической науки явно недостаточно. Почти невероятно, но факт: «по Лихачеву» не было научных исследований в педагогической отрасли научного знания. Между тем практика настоятельно требует таких работ.

В преддверии столетия ученого писатель Даниил Гранин выдвинул идею проведения 1 сентября 2006 года уроков Лихачева во всех школах страны. Вместе с Даниилом Александровичем мы обратились с письмами к главам субъектов Российской Федерации, предложив им прислать в Санкт-Петербург на ежегодные майские Международные Лихачевские научные чтения лучших учителей регионов с тем, чтобы мы

¹ Лихачев Д. С. // Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М.: Большая российская энциклопедия, 2002. С. 376.

² См., например: *Лихачев Д. С.* Заветное. М.: Изд. образовательный и культурный центр «Детство. Отрочество. Юность», 2006; *Он же.* Письма о добром. СПб.: Logos, 2006; *Он же.* Раздумья / сост. и общ. ред. Г. А. Дубровской. М.: Дет. лит., 1991; *Он же.* Школа на Васильевском / Д. С. Лихачев, Н. В. Благово, Е. Б. Белодубровский. М.: Просвещение, 1990; *Он же.* Я вспоминаю. М.: Прогресс, 1991.

могли предложить педагогам методики проведения таких уроков. Предполагалось, что, вернувшись в регионы, эти учителя распространят их на местах.

Группа ведущих ученых Санкт-Петербурга, собранная Международным благотворительным фондом им. Д. С. Лихачева, создала под руководством члена-корреспондента РАО О. Е. Лебедева интереснейшие методические разработки Лихачевских уроков¹. Их главная идея — «урок... посвятить... конкретному человеку, имя которого стало символом нравственных ценностей»². В этих рекомендациях представлены размышления авторов о возможных вариантах урока, о проблемах, которые могут быть рассмотрены на нем.

Сама по себе эта идея заслуживает специального рассмотрения, и мы вернемся к ней несколько позднее. Пока же отметим, что наше с Д. А. Граниным обращение вызвало у губернаторов неожиданно активный отклик: на Чтения приехали учителя, представлявшие около 60 регионов России. К сожалению, позднее пассивность чиновников среднего звена Министерства образования не позволила реализовать нашу инициативу в полном объеме, но в целом ряде регионов страны эти уроки прошли.

Это является свидетельством **востребованности педагогического наследия** Д. С. Лихачева, как и большой успех издания эссе, философских стихотворений в прозе, размышлений и отдельных записей академика, предпринятого специально для школ страны председателем Российского детского фонда, академиком РАО, писателем А. А. Лихановым³.

Разумеется, все эти скромные действия абсолютно не соответствуют общему масштабу лихачевского наследия и его научно-педагогическому потенциалу. Очевидно, что решение данной проблемы сдерживается не только отсутствием полного академического собрания сочинений Д. С. Лихачева, но и недопониманием научного и практического значения публикаций Дмитрия Сергеевича, осуществленного за рамками литературоведения.

Между тем очевидно, что **на повестке дня процесс сущностного, а не формально-ритуального включения научного и нравственного наследия академика Д. С. Лихачева в контекст отечественной педагогики**. Следует дополнить оценку его литературоведческих работ и нравственного значения «публицистики» исследованием и выявлением научного вклада в педагогику. Дмитрий Сергеевич педагогичес-

¹ Уроки Лихачева: метод. рек. для учителей средних школ / сост. О. Е. Лебедев. СПб.: Бизнес-пресса, 2006.

² Там же. С. 2.

³ *Лихачев Д. С. Заветное.*

кой общественностью страны воспринимается как знаковая фигура и как «свой». Но это созвучие академика с педагогическим сообществом (я имею в виду и учительство, и вузовскую интеллигенцию, и ученых Академии), скорее, интуитивное, нежели обстоятельно осмысленное.

Видимо, во многом вводит в заблуждение простота лихачевских текстов. Вот как пишет об этом академик А. А. Гусейнов: «...тексты Лихачева, как, впрочем, и его исследовательские труды, читаются легко. Этому, конечно, способствует ясность языка, еще больше свободная эссеистская манера рассуждения. Автор часто апеллирует к личным наблюдениям, к конкретным узнаваемым фактам и произведениям, непринужденно переходит от предмета к предмету; он пишет так, будто ведет необязательную беседу. Вся эта мозаика на первый взгляд случайных фактов, воспоминаний, ассоциаций складывается в стройную картину, организованную вокруг определенной идеи, в результате чего последняя предстает не в голом виде последовательного логического рассуждения, а в качестве одухотворяющей основы самой жизни. И все-таки особая привлекательность текстов заключена... в содержании идей. Лихачев говорит вещи, которые не могут не волновать думающего человека... И говорит так, словно хочет прояснить читателю то, что тот сам смутно чувствует. И задача читателя в этом случае скорее распознать истину, чем узнать ее, говоря точнее: узнать, но так, как узнают человека, которого видел и знал раньше»¹. Это высказывание удивительно точно соответствует восприятию лихачевских публикаций педагогическим сообществом. Мы «распознаем» в них то, что либо знали в несколько ином виде, либо ощущали интуитивно.

Однако во всех своих человеческих, личных, общественных «ипостасях» Д. С. Лихачев остается прежде всего ученым. Как уже говорилось ранее, в своем подходе к науке он не является типичным для нашего времени исследователем научных проблем, то есть его нельзя отнести к категории специалистов, которые путем кропотливого анализа доходят до сути определенного явления, а затем переходят к следующему. Общегуманитарная теоретическая подготовка академика столь высока, что скрупулезное обоснование своих научных суждений, использование стандартных, общепринятых в науке технологий изложения своих мыслей для него излишне: его «публицистические» тексты не наукообразны по форме, но высоконаучны по содержанию.

Отечественной педагогике необходимо определенно выяснить, что в научных воззрениях Д. С. Лихачева является традиционным и что новаторским. Необходимо вычленив суть его воззрений из «публицистики» и логично, последовательно описать в контексте истории

¹ Гусейнов А. А. Культурология Дмитрия Лихачева: коммент. к кн. Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре» / А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий; СПбГУП. СПб., 2006. С. 28–29.

педагогических учений. К примеру, возьмем его книгу «Школа на Васильевском», написанную в соавторстве с Н. В. Благово и Е. Б. Белодубровским. В первых же строках читаем: «Главная цель средней школы — воспитание. Образование должно быть подчинено воспитанию. Воспитание — это, в первую очередь, прививка нравственности и создание у учащихся навыков жизни в нравственной атмосфере. Но вторая цель, теснейшим образом связанная с развитием нравственного режима жизни, — развитие всех способностей человека и особенно тех, которые свойственны тому или иному индивидууму»¹. Понятно, что авторская позиция целиком лежит в русле традиций отечественной педагогики, и хорошо известно — каких.

Но целый ряд других публикаций академика требует значительно больших усилий для анализа. Назову, к примеру, «Раздумья», «Письма о добром», «Я вспоминаю». **В них Д. С. Лихачев выступает в роли, схожей во многом с ролью не только теоретика, осовременившего нравственные заповеди, но и педагога-практика.** Может быть, здесь уместно сравнить его с В. А. Сухомлинским. Только мы не просто читаем рассказ о собственном педагогическом опыте, а как бы присутствуем на уроке замечательного учителя, ведущего разговор, удивительный по мере педагогического таланта, выбору предмета, способам аргументации, педагогическому интонированию, владению материалом и словом. Уровень лихачевского монолога столь высок, что кажется, урок ведет сама Истина или Господь Бог (кому как нравится). На первый взгляд просто непостижимо, как в этих текстах важнейшие для воспитания человека истины проходят как бы непосредственно в душу читателя, минуя всевозможные наслоения и препятствия, столь свойственные для нашей педагогической практики.

Вместе с тем очевидно, что абсолютно все компоненты этого «урока» могут и должны быть подвергнуты теоретическому и методическому анализу. Например, очень интересно, что в ряде публикаций академика **педагогическая система воспроизводится и рассматривается как бы глазами объекта воспитания — ученика.** Только ученик этот постепенно вырос в крупную личность, состоялся в семейной жизни, сфере приватных межличностных отношений, общественной жизни, профессиональной деятельности и получил во всех этих сферах заслуженное признание. **Теперь, представляя из себя своего рода «идеальный педагогический результат», данный объект воспитания может проследить, как происходило его становление и развитие в качестве самостоятельной личности, субъекта самовоспитания,** как работали те или иные педагогические системы, что мешало ему на жиз-

¹ Лихачев Д. С. Школа на Васильевском. С. 5.

ненном пути и что помогало, какую роль играли различные компоненты педагогических систем, социально-культурная среда и т. д.

Такой ретроспективный анализ, проводимый академиком, с учетом уникального научного аппарата Дмитрия Сергеевича, неизбежно дает и уникальные результаты. Данную ситуацию можно рассматривать как **удивительный педагогический эксперимент**, который поставила сама судьба ученого, предоставив ему же возможность фиксации и анализа результатов.

Почему жизнь Лихачева сложилась именно так, а не иначе? Что в ней было случайно, а что закономерно? В какое время, под каким влиянием и какие ценностные ориентации у него сформировались? Кто был для него идеалом? Какие педагоги, какие персонажи истории, кто из окружавших личностей оказывал влияние? Что из содержания процесса обучения воспринималось в конце жизни как наиболее важное и почему? Как обучение Лихачева было взаимосвязано с его воспитанием? Мы можем задавать себе эти и другие вопросы и получать на них из трудов Дмитрия Сергеевича вполне конкретные ответы, обогащающие педагогическую науку. Этот аспект лихачевского наследия также ждет своих исследователей.

Работы Д. С. Лихачева должны сыграть свою роль и в переосмыслении ряда фундаментальных постулатов и проблем образования. Стремительные перемены реальности, динамично обновляющийся жизненный контекст деятельности педагога требуют систематической сверки наших позиций с жизнью. Разумеется, фундаментальные ценности, выработанные в ходе жизнедеятельности человечества, меняются мало. Что нельзя сказать об особенностях их звучания на различных этапах общественного развития и конкретных педагогических технологиях взращивания этих ценностей в новых поколениях воспитуемых.

Интереснейший материал для исследователя — собственные гуманитарные взгляды Д. С. Лихачева. Вся мировая история может, по его мнению, рассматриваться как история вызревания и прорастания из глубин бытия Человеческого начала. Может быть, именно **Человеческое начало является главным предметом разносторонних исследований самого Дмитрия Сергеевича на протяжении всей его жизни.** Эта тема пронизывает все его публикации, озаряя их особым внутренним светом. Но этот феномен лихачевского наследия не изучен и не описан надлежащим образом.

И если считать Дмитрия Лихачева в широком смысле слова педагогом, то, помимо оценки «великий», следует добавить определение «гуманист». Проблема гуманизма направляла научные интересы ученого. Гуманизм «просвечивал» во всем, что бы Дмитрий Сергеевич ни исследовал: литературу, живопись, зодчество, религиозно-философские взгляды

ды писателей Древней Руси, творчество Ф. М. Достоевского, феномен и судьбы российской интеллигенции и т. д. Гуманизм был интересен Лихачеву при исследовании зарождения и развития культуры, в анализе трансформаций литературного творчества... И уж, разумеется, эта тема волновала его в работах, напрямую связанных со становлением человеческой личности. **Что такое гуманизм и как его взрастить «по Лихачеву»** — предмет особого интереса педагогической науки.

Член-корреспондент РАО О. Е. Лебедев посвятил данной теме публикацию «Уроки Лихачева для детей и взрослых»¹. В частности, петербургский ученый пишет: «Тысячи школьных уроков не сводятся к занятиям по математике и физике, литературе и истории, биологии и другим учебным предметам. Это уроки отношения к миру, к природе, к ценностям культуры, к людям. Сейчас началась работа над созданием нового поколения стандартов для общеобразовательной школы. В связи с этим возобновились дискуссии относительно главных результатов школьного образования. В ходе одной из таких дискуссий была высказана верная, на мой взгляд, мысль о том, что главным результатом образования, полученного в школе, надо считать способность ее выпускников различать добро и зло». Далее О. Е. Лебедев продолжает: «По сути дела, весь социальный опыт, который осваивается учащимися на школьных уроках, представляет собой опыт решения проблем — познавательных, мировоззренческих, политических и всяких иных. Но ведущее место в этой совокупности разнообразных проблем занимают проблемы нравственного выбора».

Здесь уместно еще раз повторить, что совесть, по Лихачеву, — единственная власть, сила которой не только не лишает человека свободы, но и гарантирует ее. Размышляя об этом, академик утверждает: «Совесть принуждает, но принуждение совести является гарантией его (человека) полной свободы, потому что совесть принуждает изнутри, все остальные принуждения приходят извне: партийные, классовые, какие угодно другие»².

Источником нравственного образования человека является освоенная им гуманитарная культура, источником образования — культура в целом. Если вдуматься в смысл слов «общее образование», то можно его представить как образование, которое объединяет людей общими представлениями о ценностях культуры. В связи с этим можно предположить, что **магистральный путь дальнейшего развития образования лежит в направлении его культурологической составляющей, несущей в себе интегрирующее различные предметы гу-**

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 2006. 29 авг.

² Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / СПбГУП. СПб., 2006. С. 39.

манистическое начало. В данном плане методологический вклад Лихачева в образование очень важен. И здесь открывается широчайший фронт работы для педагогической науки.

Прежде всего, на мой взгляд, заслуживают изучения **воззрения академика на общий процесс культурной преемственности поколений.** Образование как социальный институт общества является, по Лихачеву, именно институтом культурной преемственности. Для понимания «природы» этого института очень важна адекватная оценка учения Д. С. Лихачева о культуре. Скажем, принципиальное значение имеет представление академика о европейском характере российской культуры.

Весьма важны работы Лихачева, посвященные Петровским реформам. Существенно, что Дмитрий Сергеевич очень убедительно показывает ущербность представлений о допетровской Руси как крае и времени исключительно крестьянской культуры: в подобных взглядах нет места ни для «Слова о полку Игореве», ни для Андрея Рублева и Феофана Грека, ни для Сергия Радонежского. Допетровская средневековая культура Руси была великой культурой. Другое дело, что настало время для ее перехода на новый этап развития.

Наиболее широкий контекст, в котором, по Лихачеву, следует рассматривать нашу культуру, — всемирный. Подчеркнем еще раз: Дмитрий Сергеевич полагает самой характерной чертой русской культуры, проходящей через всю ее тысячелетнюю историю, — вселенность, универсализм. В этом смысле Россия — самая европейская страна в Европе. Ибо, по Лихачеву, «европейская культура отличается именно тем, что она открыта к восприятию других культур, к их объединению, изучению, сохранению и отчасти усвоению»¹.

Из понимания Д. С. Лихачевым российской культуры как европейской логично вытекает его **утверждение о европейском характере отечественного образования,** особую роль в становлении которого он отводит Санкт-Петербургу. Думается, изучение истории формирования и развития петербургских образовательных учреждений и их системы под лихачевским углом зрения может многим обогатить отечественную педагогическую теорию.

Следует отметить, что воззрения академика на историю российской культуры даже при их определенной дискуссионности могут являться отправным пунктом для дальнейшего **развития теории педагогических систем в их общекультурном контексте, переосмысления целей воспитания, педагогического опыта, не говоря уже о совершенствовании отдельных предметных курсов.**

¹ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 198.

Разумеется, результаты научной деятельности Д. С. Лихачева должны быть включены в школьные и вузовские программы как **Знание, обязательное при получении образования**. Пока это должным образом не сделано, но, несомненно, произойдет после осмысления великого наследия академика новыми поколениями ученых.

Влияние литературы, искусства, архитектуры, природы на души людей Дмитрием Сергеевичем прочувствовано и осмыслено по-особому. Взять хотя бы исключительную по силе мысли работу «Сады Лицея»¹ или уже упоминавшееся выступление перед профессурой и студенчеством Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов «Петербург в истории русской культуры». Не меньший интерес вызывают и его размышления «О русской интеллигенции». Они могут быть рассмотрены как элементы своего рода **педагогической программы Лихачева по самовоспитанию для молодых людей**, вступающих в жизнь. Но самой важной в этом плане является, конечно, «Декларация прав культуры» и ее центральная мысль, что **культура — определяющее условие реализации созидательного потенциала личности**.

Заслугой Д. С. Лихачева стало и выделение специфической роли социально-культурной среды в становлении личности. Роль идеального окружения идеалов, образцов, попадающих в индивидуальное пространство жизнедеятельности личности, состоит в том, что, живя, человек, хочет он того или нет, осознает или не осознает, впитывает, вбирает то, что создано предками, в пространстве его существования незримо присутствует все, сотворенное предшествующими поколениями. Именно в этом видел академик, к примеру, уникальность воздействия на человека Петербурга–Петрограда–Ленинграда. Жить там, где жили выдающиеся архитекторы, литераторы, критики, философы, впитывать впечатления от их творений, от знакомства с их жизненным путем — значит, обогащаться духовно, возвышаться нравственно. Вот почему отношение к прошлому для Д. С. Лихачева — критерий присутствия (или отсутствия) в человеке прекрасного, доброго: «Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саду, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, значит, он не любит их. Если человек не любит старые улицы, старые дома, пусть даже и плохонькие, значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, он, как правило, равнодушен и к своей стране»².

¹ Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 244–260.

² Лихачев Д. С. Экология культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 332–333.

Д. С. Лихачев пришел к пониманию того, что **память о прошлом — это один из способов существования культуры**. Фальсификация прошлого, предвзятое к нему отношение, выстраивание его по шаблонам в угоду той или иной идеологической конъюнктуре лишает культуру предметности, живой связи с предшествующим развитием, а человеческую личность оставляет без духовных корней, без той нравственной почвы, на которой только и произрастает человеческое в человеке. Именно с точки зрения нравственного значения памяти, с позиций «экологии культуры» рассматривал ученый великие события в истории нашей Родины, страницы ее воинской славы — Бородинское сражение, Куликовскую битву. С болью писал он о варварски взорванном в 1932 году памятнике на могиле выдающегося полководца Отечественной войны 1812 года Петра Ивановича Багратиона. С горечью говорил о могиле героев Куликовской битвы Пересвета и Осляби, на месте которой в старой церкви Рождества завод «Динамо» установил мотор мощностью в 180 киловатт. Нет ни упоминаний, ни мемориальной доски, только грохот и рев моторов...

Думается, читателю очевидно, что задача данной главы — не подведение итогов научно-педагогической деятельности выдающегося российского ученого, а **приглашение коллегам (и теоретикам, и практикам) к дальнейшему осмыслению и применению педагогического наследия** академика Д. С. Лихачева. Речь идет о педагогическом наследии как взглядах на проблемы воспитания и образования; результатах исследований в области гуманитарной культуры, которые могут рассматриваться как исходные позиции для дальнейших педагогических поисков; опыте педагогической деятельности. В связи с этим важно в контексте педагогической науки более детально рассмотреть само понятие «педагогического наследия» и сферу его применения.

Изучение педагогического наследия Лихачева может иметь существенное значение как для решения педагогических проблем среднего и высшего образования, так и для постановки новой исследовательской проблематики. К примеру, «вечными проблемами» педагогики школы являются **отбор содержания образования и выбор методов обучения**. Наследие Дмитрия Сергеевича содержит в этом плане значительные перспективы. Возьмем отбор содержания: школа должна приобщать к культуре, но ей приходится работать с учебными (адаптированными) текстами. Важно оптимизировать соотношение адаптированных и научных текстов, а также первоисточников. В советской школе был накоплен интересный опыт работы с первоисточниками — ленинскими работами. От этого опыта, естественно, отказались. Но **потребность в обращении к философским, культурологическим текстам, доступным для школьников, осталась. В роли таких первоисточников вполне могут выступать работы Д. С. Лихачева.**

Лихачевское наследие может быть весьма полезно и в решении другой проблемы: необходимым элементом содержания образования является **собственный опыт обучаемых**, который **должен быть переосмыслен в процессе обучения**. Однако отечественная педагогика пока не добилась в данном плане сколь-нибудь заметных успехов. У Дмитрия Сергеевича здесь можно многому научиться. В то же время **труды академика могут быть использованы и для совершенствования методов обучения**, например методики диалога. Важная исследовательская задача — опираясь на работы Лихачева, **углубить современное понимание роли фактора исторической памяти в процессе развития образовательных систем**.

Итак, у научно-педагогического сообщества страны впереди большая работа, к которой нас обязывает и память замечательного ученого-гуманитария, и потребности страны.